

Колдовские *Миры*

ДАРЬЯ СНЕЖНАЯ

РОЛИ
ЛЕДИ РЕЙВЕН

Книга первая

Москва

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С53

Разработка серийного оформления
А. Саукова, Ф. Барбышева

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Снежная, Дарья.

С53 Роли леди Рейвен. Книга первая / Дарья Снежная. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-103784-0

В юности леди Эрилин Рейвен мечтала о том, о чем и положено мечтать леди: о балах, нарядах и удачном замужестве, которое случится, конечно же, по большой и светлой любви. Но косвенное участие почтенного виконта Рейвена в заговоре против короны поставило крест на всех этих мечтах, оставив его дочери выбор между двумя ролями: старой девы, мирно доживающей свой век за вышиванием и сплетнями, или жены торговца средней руки, из тех, кто мог бы польститься на ее титул и более чем скромное приданое. Впрочем, есть еще путь, но ведь леди так не поступают, верно?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Снежная Д., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103784-0

Роль 1

ЛЮБОВНИЦА ГЕРЦОГА

— Благодарю вас, господа. Вы можете быть свободны.

Властный голос человека, привыкшего отдавать распоряжения с малых лет, перекрыл еле слышные шепотки еще не утихшего до конца собрания.

Бездонно-черный взгляд герцога Тайринского, главы департамента по контролю применения магии, строго скользнул по подчиненным, остановился на мне и тут же сделался еще строже и тяжелее.

— Вас, леди Рейвен, я попрошу задержаться.

Зашумели отодвигаемые стулья. Мужчины со сдержанным гомоном взаимных прощаний и остаточных обсуждений двинулись к дверям. Я осталась сидеть с лицом досадливым и скорбным, чем несказанно порадовала господина Трейта, моего непосредственного начальника. Высокий и тощий, как жердь, первый криминалист одарил меня взглядом, полным несомненного ликования, лишний раз убедив в том, что прямо перед собранием он беседовал с герцогом обо мне. И явно не премию любимой работнице выбивал!

Со мной тоже прощались. Кто-то раздраженно, кто-то вполне добродушно, но все — с неизменным снисхождением, от которого сводило зубы и хотелось с очаровательной женской неуклюжестью уронить каждому на ноги по тяжелому позолоченному подсвечнику. А некоторым — на голову.

Постепенно малая столовая герцогского особняка на Северной улице опустела. Нас покинули даже дворецкий и два лакея, бесшумно прикрыв за собой дверь. Герцог Тайринский, сидящий на противоположном от меня конце стола, откинулся на спинку стула, покачивая в пальцах бокал с вином. От его пристального взгляда по позвоночнику пробегали нервные мурашки.

Интересно, на что ему в очередной раз жаловался Трейт? На мой непрофессионализм? Отсутствие опыта? На то, что все женщины от Дьявола и нас лучше поскорее сжечь? Нет, конечно, не всех, господин первый криминалист человек неглупый! Некоторых придется оставить для продолжения человеческого рода. Но к их выбору стоит подойти крайне ответственно. А остальных — сжечь! И вообще к «разведению» женщин давно пора начать применять принципы селекции...

— Как вам ужин, леди Рейвен? — Низкий голос выдернул меня из размышлений о начальственном мировоззрении, но вопрос проскользнул мимо.

— Что? — переспросила я, вскинув голову.

— Ужин. — Герцог кивнул на стол, уже опустевший, за которым только что восседали работники криминалистического отдела.

— Вполне, благодарю, — благовоспитанно кивнула я. — Мои комплименты повару насчет форели. Но ему стоит поработать над десертом — слишком сладко.

— Леди не любит сладкое? — Линию его губ тронула едва заметная усмешка.

— Леди не любит слишком, — поправила я и прекратила ломать комедию. — И вообще, чтобы заманить меня к себе, вовсе не обязательно было устраивать этот цирк с совещательным ужином. Мог бы просто пригласить. Я бы приехала.

— Я учту. — Кьер тоже отбросил маску светской отстраненности и улыбнулся уже шире, в черных глазах мелькнули смешинки. — От женщин никогда не знаешь, чего ждать. Как утверждает один очень опытный человек, мнению которого я безгранично доверяю: «Все они — от Дьявола!»

Я мысленно поаплодировала себе за догадливость.

— Где жечь будешь? — невозмутимо уточнила я. — Прямо здесь или прогуляемся до площади Святого Талисия?¹

— К величайшему сожалению господина Трейта, на этот вечер у меня другие планы.

Казалось бы, голос звучал ровно, но все равно в животе сладко екнуло, а сердце застучало быстрее.

Кьер сделал глоток и поднялся. Массивный, широкоплечий, он двигался тем не менее с удивительной грацией. Грацией большой дикой кошки. Черногривый лев. Я видела как-то такого в зверинце.

¹ Главная площадь столицы, на которой сейчас казнят совершивших преступление против короны, а раньше сжигали ведьм.

Огромный, со спокойным, полным собственного достоинства взглядом, поджарым телом и тяжелыми лапами, каждая — что моя талия в объёме. Стучать по прутьям его клетки не решались даже самые отважные сорванцы.

Ощущение, что я по самоубийственной глупости сую голову в пасть этому зверю, мелькнуло и пропало, когда герцог подал мне руку.

Я вложила пальцы в широкую ладонь и потянулась вверх вслед за приглашением. Хищно раздулись крылья носа, втягивая аромат моих духов, когда я оказалась прижата почти вплотную, и Кьер, помедлив мгновение, отступил на шаг.

— Мне нужно отлучиться, отдать несколько распоряжений. Тебя проводят.

И, мимолетно коснувшись губами моих пальцев, он стремительно покинул столовую. Я прижала обласканную руку к груди и несколько раз нервно похлопала по ткани блузки, пытаясь утихомирить расшалившееся сердце. Так не годится. Леди должна оставаться леди. Безукоризненной. Отстраненной. Сдержанной. В любой, даже самой провокационной ситуации. Зря, что ли, маменька тратила силы и драгоценное здоровье на мое воспитание?

Знала бы она, конечно, в какой ситуации я ее воспитание помяну...

Улыбнувшись собственным мыслям, я вышла в коридор. Лакей в чопорной черной ливрее одарил меня полупоклоном.

— Миледи, прошу.

Меня проводили в гостиную и оставили в одиночестве. Интересно, как ее называли в доме? Зеленая?

Изумрудная? Диваны и кресла обиты темным бархатом, на тяжелых портьерах — золотые кисти. Я выглянула в окно, несколько мгновений полюбовалась на ночную столицу, лежащую у подножия Королевского холма, как на дне пиалы, и снова вернулась взглядом к интерьеру. Камин с выпуклой объемной лепниной, над ним на полке — тяжелые литые подсвечники и огромное, до потолка, зеркало в такой же тяжелой раме. Все вокруг дышало роскошью и родовитостью.

Мне вспомнилась наша гостиная — единственная, а потому без названия, — и губы снова сами собой расплылись в улыбке. Настолько чуждыми были здесь мамины фарфоровые статуэтки, кружевные салфетки и подушечки с бахромой.

Я направилась к камину, мимоходом проведя рукой по спинке кресла. Темное дерево, массивное, надежное, как и его владелец. Огромный анлиссский¹ ковер на полу, прекрасно глушащий шаги. Если бы кто-то вознамерился подойти со спины и стукнуть меня по затылку, ему даже не пришлось бы для этого сильно подкрадываться.

Мысль была противная, я на всякий случай оглянулась и вздрогнула всем телом — Кьер, которого мгновение назад в комнате не было, стоял в паре шагов от меня.

— Я тебя напугал. — Он шагнул вперед, протягивая мне бокал с солнечно-янтарным напитком.

— Нервный выдался день. — Я повела плечами, словно пыталась сбросить с них накопившийся груз.

¹А н л и с с и я — восточная страна, славящаяся в первую очередь ткацкими и фарфоровыми изделиями.

— Это поможет.

Он кивнул на зажатый в пальцах бокал, который я машинально приняла, тут же про него забыв.

— Там успокоительное? — насмешливо уточнила я, поднося бокал к губам. Ноздри щекотнул медово-фруктовый аромат с легкими цитрусовыми нотками. Сотерн. Солнечное вино. Густая сладость, тающая на языке, прокатывающаяся по горлу теплым ярким комочком, дарующая мгновенное ощущение покоя и уюта.

— В какой-то степени.

Кьер наблюдал за тем, как я пригубила вино, с заинтересованным прищуром. Кажется, он не до конца верил в мою решимость и ожидал, что вот-вот я спохвачусь, опомнюсь, схвачусь за голову, упаду в обморок и, не выходя из него, умчу домой к маменьке, занюхиваясь солями.

Откуда ему знать, что, к величайшему сожалению моих дорогих родителей, привычки отступать среди моих достоинств (или недостатков) не водилось. У меня было время, чтобы взвесить все «за» и «против», и я не намеревалась больше предаваться этим пустым размышлениям, хоть внутри все звенело от волнения, напряжения и томительного ожидания.

Я вскинула глаза на герцога и прикусила нижнюю губу, слизывая с нее сладкие солнечные капли.

Приглашение было оценено по достоинству.

Несмотря ни на что, поцелуй все же застал меня врасплох. И он не походил на те, которыми нам довелось обменяться раньше, — случайные, обрывающиеся на полувдохе, после которых тяжело смотреть друг другу в глаза и просто невыносимо

находиться в одном помещении. Нет, сейчас все было по-другому. Он целовал меня, зная наверняка, что может свободно позволить себе не только поцелуи. И это оказалось так... многообещающе.

Одна рука обвилась вокруг талии, с силой прижимая меня, практически впечатывая в массивное, твердое тело. Другая скользнула в волосы, безнадежно руша прическу, упорно пробираясь сквозь нагромождение шпилек и локонов, чтобы обхватить затылок, лишит малейших путей к отступлению.

И я, никогда не выносившая даже малейшей мысли о том, что какой-то мужчина вне рабочих отношений будет диктовать мне, что делать, и подчинять меня своей воле, внезапно разомлела, как кошка, от исходящей от него ауры властности и силы. Выгнулась, подалась вперед, безоговорочно подчиняясь любым его желаниям. Находя именно сейчас небывалое упоение в том, чтобы быть слабой и беззащитной женщиной.

Бокал, снова забытый в руке, выскользнул из ослабевших пальцев и, расплескав вино по юбке, с мелодичным хрустальным звоном разбился о чугунную предтопочную плиту.

Кьер оторвался от моих губ, при этом не отстраняясь, так что шепот и теплое дыхание касались их почти как поцелуи, только легкие и невесомые.

— Только приехала, а от тебя уже неприятности, Эри.

— С каких пор герцог считает неприятностью разбитый бокал?

Мне с большим трудом удавалось удерживать равновесие в такой позе, чтобы не повиснуть пол-

ностью на его руках, не цепляться за его плечи, как за спасательный круг, и сохранить хотя бы легкий налет независимости.

— Говорят, это к несчастью.

— С каких пор маг верит в приметы?

— С тех самых, как дьявол дернул меня оставить тебя на этой работе. Говорил мне Стайн, женщина на королевской магической службе — быть беде.

Сложно не согласиться, давненько уже департамент не был настолько бессилён поймать преступника. Но вслух я озвучила совсем другое:

— Для того, кто давно пытается зажать меня в темном углу, ты слишком много разговариваешь.

— О нет, моя дорогая. — Кьер расплылся в улыбке, не так часто полностью озарявшей его лицо, а у меня от этого обращения ворох мурашек пробежал по позвоночнику и тягуче дернуло внизу живота. — Я просто умею не торопиться и получать всю выгоду из представившихся мне возможностей.

Я сдалась и расслабилась, полностью откидываясь на поддерживающие меня ладони, зная, что те не отпустят и не уронят. Герцог вернулся к прерванному занятию. Короткий поцелуй, легкий укус за нижнюю губу, и он спустился ниже, обжигаяще касаясь подбородка, тончайшей кожи на незащитно открытой шее, щекоча ее кончиками падающих на лоб черных волос. Потянул за кончик банта, и темная плотная лента беззвучно стекла на ковер, открывая путь к спрятанным в кружеве пуговицам...

Только когда он ухватил меня за запястье, положив мою руку себе на шею, пришло внезапное осознание — я настолько увлеклась тем, что он и

его прикосновения творят с моим телом и разумом, что совершенно забыла, что и сама могу двигаться и следовать собственным желаниям, а не только наслаждаться чужими.

И очень захотелось избавить Кьера от сюртука, расстегнуть рубашку. С первого дня нашей встречи мне всякий раз казалось, что таким плечам тесно в любом строгом одеянии. А еще было страшно любопытно, какова на ощупь эта неприступная машина, потому что под одеждой он казался отлитым из стали или выточенным из цельного куска скалы.

Реальность оказалась куда приятнее — гладкая горячая кожа, перекатывающиеся под ней жесткие мышцы. И едва заметная внутренняя дрожь от моих прикосновений, точно такая же, какую вызывали во мне его.

Я прижалась к Кьеру грудью, выглянувшей в «декольте» расстегнутой блузки — тело к телу, кожа к коже, — и герцог совсем негромко, но отчетливо зарычал мне в ухо, которое только что целовал. Пальцы впустую смяли ткань, безнадежно пытаюсь добраться до меня сквозь застёжки и корсет.

— Я хочу порвать на тебе эти тряпки, перекинуть через плечо и утащить в спальню.

— Что же тебя останавливает? — самонадеянно поинтересовалась я, уже прикидывая, какая картина предстала бы в таком случае оказавшейся в коридоре прислуге.

Кьер подначку оценил.

— Придется покупать тебе новые.

В черных глазах плясали бесовские отблески каминного огня — умопомрачительно красиво.

— Или я не смогу выйти из спальни, и тебе придется терпеть меня каждую ночь, — продолжала дразниться я, наслаждаясь своей маленькой властью здесь и сейчас.

— Не искушай меня, Эрилин. — Голос его резко сел.

— Хорошо, не буду. — Я демонстративно отстранилась, оправила сползший с плеча рукав, складки на юбке и принялась застегивать пуговицы.

Тут Кьер расхохотался. Я никогда не думала, что он умеет так смеяться. Совершенно искренне, легко, заразительно, так что мне даже пришлось скривить губы, чтобы самой удержать смех.

— Пойдем, — он протянул мне руку. — Идею с «через плечо» я оставлю как-нибудь на потом.

Я уже собиралась вложить пальцы в широкую ладонь, как машинально их отдернула — в дверь громко постучали.

— Милорд? Прошу прощения, милорд...

Кьер весь напрягся, на лицо набежала тень. Кажется, он еле сдержался, чтобы не запустить в дверь стукотом огня и не испепелить к чертям того, кто посмел вмешаться.

— Что? — От грозного рыка даже у меня похолодели кончики пальцев.

— Срочное послание из дворца, милорд. Его величество желает видеть вас прямо сейчас.

Самообладание и в этот раз герцога не покинуло, хоть и далось с огромным трудом. Кьер на мгновение прикрыл глаза, глубоко и медленно выдыхая, и, не открывая их, припечатал:

— Пусть подадут мою лошадь. Немедленно.

А затем он посмотрел на меня с неммым вопросом во взгляде — стоит ли договаривать: «И экипаж для леди»?

Я шагнула к нему, коротко коснулась губ.

— Время уже позднее, вряд ли аудиенция. Как бы кощунственно это ни звучало, короли — тоже люди, и они тоже спят. Я подожду тебя здесь, если ты не против.

— Ты божественна, — прошептал он, целуя меня в ответ. А затем торопливо отстранился и принялся заправлять и застегивать рубашку, жилетку, сюртук, привычным жестом оправил волосы.

Я покосилась в зеркало над камином. Да-а, проще распустить и переплести заново, чем привести в приличный вид. А потому я так и сделала — быстро вытянула шпильки и тряхнула головой, позволяя темным прядям свободно упасть на плечи и спину тяжелой волной. Все лучше, чем красоваться с вороньим гнездом. Не удержавшись, я чуть помассировала голову, уставшую за день от этой тяжести, а потом заметила, что герцог замер и жадно за мной наблюдает.

— Тебя ждет король, — напомнила я, тем не менее кокетливо поправив обрамляющие лицо локоны и купаясь в столь пристальном внимании.

— Ты несносна.

— Я божественна, — возразила я его же словами.

Мужчина только покачал головой — времени на долгую перепалку с доказательствами, кто тут главный и прав, не было. Убедившись, что я привела себя в порядок настолько, насколько это возможно, он распахнул дверь. Лакей, поджидающий за ней на